

О смысле критической процедуры в философии И. Канта

Научный руководитель – Михайловский Александр Владиславович

Болотов Иван Владимирович

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-mail: bolotov.ivan.vladimirovich@gmail.com

Трем кантовским критикам предшествовал период плодотворной работы и размышлений Канта, известный среди исследователей как "докритический период". На этом хронологическом отрезке до 1770 г. мыслителя интересовал самый широкий спектр вопросов: от естественнонаучных до теологических и логических. Однако, вряд ли что-либо еще занимало как молодого, так и зрелого Канта, столь же сильно, как вопрос о методе философии.

Со временем Кант осознает, в какой отсталости пребывает существующая в его время догматическая метафизика и раз за разом в своих ранних сочинениях обращается к возможности ее реформации. Еще более откровенен он в переписке, которую он активно поддерживал с различными представителями интеллектуальных кругов тогдашней Германии. Так, например, в письме М. Мендельсону от 8 апреля 1766 года Кант признается, что он "...далек от того, чтобы саму метафизику, рассматриваемую объективно, считать чем-то незначительным и лишним..." [1]. И, тем не менее, Кант считал, что ее необходимо избавить от догматизма, подвергнув принадлежащие метафизике положения проверке. В том же самом письме Кант излагает свое видение проблемы: "...вся задача заключается в том, чтобы найти данные для разрешения проблемы: каким образом душа может находиться в мире, присутствуя в существах материальной природы, и в других существах, подобных ей?" [2]. Несколько месяцев спустя Кант напишет еще одно письмо, на этот раз своему студенту М. Герцу, и поделится с ним чудесной находкой ключа к проблеме метафизики: "Я поставил перед собой вопрос: на чем основывается отношение того, что мы называем представлениями к предмету?" [3]. Таким образом, проблема метафизики, ранее имевшая психологический ракурс, переосмысливается Кантом в процессе подготовки и работы над своим *opus magnum* логически: как проблема представления. В самом кратком виде она может быть сформулирована следующим образом: каково основание, посредством которого предмет совпадает с мыслью, или же мыслится правильно, либо неправильно. А учитывая тот факт, что метафизика занимается наиболее общими определениями сущего, то исходная формулировка может быть уточнена до более фундаментальной: как возможно именование, язык как таковой? Следует отметить, что переключка между психологическим и логическим аспектами проблемы характерна для того, что думали о логике в то время: она считалась методом, согласно которому душа может мыслить правильно.

Претензия Канта к метафизике, исходя из сказанного, заключалась в том, что эта наука, в отличие от всех других, располагает положениями, основания для которых она продемонстрировать не в силах, отчего они оказываются произвольными. Примерно такой же подступ к проблеме мы наблюдаем в знаменитых предисловиях к Критике чистого разума. Кант начинает свой трактат о методе с предостережения: разум, следуя собственной природе, оказывается в плену у ряда вопросов, на которые он не может ответить, но которые его, тем не менее, не оставляют, так что ему приходится в какой-то момент, не находя ответа на них в опыте, переступить границу опыта и перейти в сферу умозрительных

познаний. Эта ситуация в целом охарактеризовывается Кантом именем метафизики. Вопросы, на которые Кант ссылается, перечислены им же самим в другом месте. Вот они: 1) что я могу знать?; 2) что я должен делать?; 3) на что я могу надеяться и, наконец, четвертый вопрос — что есть человек, к которому три предыдущих сводимы. Все там же он добавляет, что порядок вопросов именно таков, поскольку в мировом смысле философия есть наука о внутреннем принципе выбора между разными целями [4]. Это известное место из кантовского наследия может показаться проходным для понимания философского проекта Канта, поскольку оно располагается в достаточно раннем курсе лекций по логике. Однако, подобное видение Кантом содержания разума может быть сверено, например, с последней из опубликованных им работ — с его Антропологией. В начале этой работы дана экспозиция предмета и сущности рассматриваемой дисциплины. Эта наука, по заверению Канта, есть наука о человеке в том, что он как свободное существо, может сделать из самого себя. В таком качестве антропология может быть названа также и знанием мира, так как все остальные знания получают свое применение только будучи отнесенными к человеку как к своей собственной цели. [5] Возвращаясь к тексту первого предисловия, мы обнаруживаем, что Кант берет эту идею в качестве программной установки произведения. Поскольку разум не может отказаться от беспокоящих его вопросов, ему потребовалось бы отказаться от самого себя, то остается ничто иное, как устроить суд разума над самим собой, по результатам которого "...он вновь взялся бы за самое трудное из своих занятий...за самопознание и учредил бы суд, который подтвердил бы справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания...Такой суд есть ничто иное, как критика самого чистого разума" [6].

В итоге мы встаем перед сложным вопросом: каков же статус критической процедуры? По каким точкам "критика" пересекается с аналитикой опыта, пришедшей вместе с Кантом на смену старой онтологии? Полностью ли совпадают первая и вторая? На мой взгляд, прочтение кантовского корпуса дает понять, что Кант так и не смог внятно установить место критики в системе, которой она была призвана послужить своего рода пропедевтикой, предварением. Это связано, судя по всему, с тем, что критика самой способности познания, — а именно так Кант определяет ее, — происходит, по крайней мере, во всех трех сочинениях Канта, носящих соответствующее название. Поэтому критику невозможно понимать предметно, сводя ее до той или иной области, принципы которой эта самая критика впервые открывает. Внутри философии Канта, однако, указывается на возможность философии как дела мира — возможность, которую Кант эксплицитно не готов примерить себя, но при этом постоянно проговаривает. Чтобы понять смысл критической философии, эту возможность необходимо принять всерьез. В конечном счете именно с критической философией открывается новая страница истории философии.

Источники и литература

- 1) Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М.: Чоро 1994. — 718 с. С. 475.
- 2) Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М.: Чоро 1994. — 718 с. С. 475.
- 3) Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука. 1980. — 696 с. С. 333.
- 4) Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. — 495 с. С.138-139.
- 5) Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. — 495 с. С.138-139.